

Лун Чи, привыкшая с детства к бедности, была шокирована таким количеством подарков и сильно переживала. Она бы предпочла получить взбучку от Нань Лицзю, чем так извиняться. К тому же, Нань Лицзю первой начала, и она не была виновата, так зачем ей извиняться? Если бы это были её собственные вещи, и наставница попросила бы её позаботиться о Нань Лицзю, она бы отдала их без колебаний. Но это были вещи её бабушки, и ей было неловко. Она также чувствовала, что её поведение не отличается от тех, кто, натворив бед, прячется дома. Она презирала таких людей и не хотела становиться одной из них. Наставница говорила, что нужно быть ответственным.

Она немного подумала, встала и направилась во Дворец Сюаньньюй, чтобы потребовать у Нань Лицзю вернуть вещи её бабушки и сразиться с ней на равных.

Лун Чи остановилась у входа во Дворец Сюаньньюй.

Она знала, что, вернувшись, снова подерётся с Нань Лицзю. К тому же, вещи, которые принёс Ху Саньлан, действительно были нужны Нань Лицзю. Их противостояние было бессмысленным: победа не приносила славы, поражение было унижительным, а в драке приходилось быть осторожной, чтобы не ранить Нань Лицзю.

Раньше, под защитой даос Юйсюань и наставницы, никто не смел её обижать. Даже если иногда она получала отпор в Крепости Восьми Врат, наставница сразу же шла с ней разбираться и мстить за неё. Теперь, когда у наставницы внезапно появилась дочь, которая постоянно её обижала, она была недовольна. Но она также подумала, что наставница и даос Юйсюань скрывали свои настоящие имена и никогда не говорили ей о своих связях с сектой Драконьего Владыки, так что скрыть существование Нань Лицзю как старшей сестры было нормально. Когда она была маленькой, если бы она случайно проболталась, а отец Нань Лицзю был бы за тысячи ли, и что-то случилось бы, наставница не успела бы вернуться. Когда Дворец Сюаньньюй был уничтожен, наставница не успела вернуться вовремя, иначе Нань Лицзю не осталась бы с покалеченными ногами.

С другой стороны, она как будто украла отца Нань Лицзю, а отец бросил свою дочь с покалеченными ногами и нашёл ученика, которого вырастил как сокровище.

Если бы она была на месте Нань Лицзю, она бы избила ученика у входа и выгнала его, ни за что не пустив внутрь.

Подумав так, она почувствовала, что старшая сестра не так уж и плоха. Родители умерли, ноги покалечены, она живёт в этом мрачном городе Уван, охраняя сожжённый Дворец Сюаньньюй, жизнь у неё безрадостная.

Она уже собиралась уйти, но, сделав пару шагов, вернулась и крикнула:

— Бабушка Бай, Красная матушка!

Боясь, что они не услышат, она побежала к месту, где Нань Лицзю закопала камни

формирования, и сильно подпрыгнула, чтобы камни сдвинулись, и Нань Лицзю обязательно узнала.

Через короткое время бабушка Бай вышла и сказала:

— Правительница приглашает вас войти.

И подмигнула: уходите быстрее.

Лун Чи достала большую пароварку высотой в два фута, которую даос Юйсюань приготовила для неё в дороге, и сказала:

— Я не пользовалась этой пароваркой, она чистая.

Бабушка Бай спросила:

— Зачем вы достали пароварку? Варить...

Подумав, что эту шутку может позволить себе правительница, но не она, она замолчала, а затем увидела, как Лун Чи высыпает пятицветный рис из мешка Цянькунь, наполняя пароварку до краёв.

Лун Чи сказала:

— Теперь я могу сама совершенствоваться и больше не нуждаюсь в пятицветном рисе для поддержания жизни, так что поделюсь с вами.

Бабушка Бай недовольно посмотрела на Лун Чи и сказала:

— Спасибо за доброту, но правительница не будет есть рис, который дала вам даос Юйсюань.

Лун Чи ответила:

— Этот рис — мой подарок. То, что даос Юйсюань дала мне, стало моим, и я могу распоряжаться этим как хочу.

Сказав это, она повернулась и убежала.

Бабушка Бай, увидев, как Лун Чи исчезла в мгновение ока, могла только отнести огромную пароварку с десятками килограммов пятицветного риса обратно.

Нань Лицзю, сидя в подземелье и возясь с механизмами, не увидела возвращения Лун Чи, но увидела, как бабушка Бай принесла пятицветный рис. Её лицо стало ещё холоднее, и она спросила:

— Где она?

Бабушка Бай ответила:

— Дух женьшеня всегда был пугливым, и то, что он дошёл до входа, чтобы принести подарок, уже большое достижение, он не осмелится войти.

Увидев, как Нань Лицзю смотрит на рис с таким взглядом, будто хочет убить, она поспешила добавить:

— Этот рис — подарок Лун Чи, он не имеет отношения к той.

Затем она передала слова Лун Чи.

Нань Лицзю холодно сказала:

— Её отношения с Ли Минсюэ действительно глубоки.

В конце концов, она не позволила бабушке Бай выбросить рис, тихо вздохнула и сказала равнодушно:

— Вы с Красной матушкой организуйте раздачу каши, приготовьте этот рис и раздайте всем детям в городе младше двенадцати лет, а старше — в зависимости от состояния здоровья.

Бабушка Бай согласилась и добавила:

— Так город долго не протянет. Если не разогнать тучи, нависшие над городом Уван, даже самый большой запас пятицветного риса будет каплей в море. Если солнце пробивается сквозь тучи, иньская ци рассеивается, и даже те, кто пострадал от неё, если не повреждена основа, выздоравливают через несколько дней на солнце.

Нань Лицзю ненадолго замолчала, а затем тихо сказала:

— Идите.

Она сделала паузу и добавила:

— Следите за ней.

Бабушка Бай поняла, что Нань Лицзю имеет в виду Лун Чи, и ответила:

— Хорошо.

Нань Лицзю, катая инвалидное кресло, вернулась в кабинет, чувствуя себя так, словно ударила кулаком по вате. Она была подавлена. Она снова коснулась своего укушенного уха, чувствуя

ещё большее унижение. Быстро бегать и прыгать — это здорово! Она только что вылечила лоб, теперь нужно лечить ухо, а через пару дней снова идти в Зал Спасения Мира на осмотр. Если кто-то увидит, куда девать лицо? Лун Чи укусила её за ухо, толкнула коляску, и она чуть не врезалась в стену уборной, а потом убежала целая и невредимая.

Она, чувствуя досаду, вышла из кабинета и направилась в зал памяти своего отца.

Благовония уже догорели.

В урне с прахом не было души, только пепел.

Её отец жил в этом мире в другой форме.

Она никогда не приходила сюда, чтобы зажечь благовония, Лун Чи тоже не приходила, только невежественный Ван Эргоу часто навещался.

Она смотрела на табличку с именем Хэлянь Линчэня и урну с его прахом, задумавшись на некоторое время. Когда её настроение успокоилось, она вернулась в кабинет, чтобы продолжить возиться с небесной звёздной сферой.

К вечеру магазины, обслуживающие обычных людей, закрылись, и на улицах начали появляться призраки и духи, а живые спешили домой.

Лун Чи, выйдя из Дворца Сюаньньюй, не хотела возвращаться в обитель Женьшеневого Владыки и бродила по городу.

Она прошла мимо дома, где остановилась в первый день в городе, и почувствовала, что на неё смотрят. Обернувшись, она увидела несколько оборванных детей, которые смотрели на неё с надеждой и страхом. Они узнали её и помнили, что она давала им кашу из пятицветного риса. Для неё это было всего лишь меньше одной порции еды, а для этих детей это было способом очистить тело от иньской ци, стать сильнее и избежать серьёзных болезней. Для этих слабых детей серьёзная болезнь могла стать смертельной.

Она слегка кивнула детям и продолжила идти по улице, пока не увидела на обочине только что умершего ребёнка. Бродящие по улице призраки, словно акулы, почувствовав кровь, бросились к нему. Душа ребёнка была вытянута из тела и стала добычей призраков, а тело ребёнка, под воздействием иньской ци, быстро разрушалось, как гнилое дерево на ветру.

Она подошла, вытащила меч и направилась к самому злобному призраку, принявшему форму злого духа.

Меч опустился, ци меча взметнулась, и призрак был мгновенно уничтожен, превратившись в туман.

Она сконцентрировала энергию и нарисовала заклинание перерождения, чтобы укрепить душу ребёнка и отправить её в цикл перерождения.

Она двинулась вперёд, и призраки, почувствовав угрозу, поспешили отступить. Один из призраков крикнул:

— Небесный мастер!

Призрак с немалой силой, ранее выглядевший как человек, внезапно изменил лицо на синее, с клыками и глазами, как медные колокольчики. Он злобно засмеялся:

— В городе Уван ещё есть небесные мастера! Ты, должно быть, совсем обезумел!

Лазурный призрак осмелился показывать свою силу!

Лун Чи, не говоря ни слова, ударила мечом.

Её скорость была невероятной, а удар меча — смертельным. Лазурный призрак даже не успел уклониться и был разрушен её мечом, превратившись в туман, который, не успев собраться вновь, был разорван ци меча, исчезнув в воздухе, оставив лишь несколько капель зловонной крови.

Призраки, увидев это, отступили ещё дальше, и один из них крикнул:

— Ты пожалеешь!

И убежал.

<http://bllate.org/book/15297/1351380>